

По дороге в отель Су Ань то и дело с тревогой косилась на Цзи Цзиня и Шэня Цинъюя.

Глаза Цзи Цзиня всё еще опухли от слёз, а из пальца Шэня Цинъюя неостановимо хлестала кровь. Цинъюй утверждал, будто случайно прищемил руку дверью, а Цзинь якобы разрыдался от обиды, услышав гнусные наветы Чжана Юйсяо. Су Ань не поверила ни единому слову. Она слишком хорошо знала характер Цзи Цзиня: в ярости он становился неуправляемым и агрессивным. После таких оскорблений он не стал бы просто тихо плакать — он бы разнёс всё к чертям, осыпая обидчика проклятиями, а то и пустил бы в ход кулаки.

Впрочем, разразись там настоящая драка, скрыть её вряд ли удалось бы. До Су Ань дошли лишь слухи о том, что Цзинь в бешенстве прокричал что-то в гримёрке Юйсяо, и на этом всё закончилось.

Примерно сопоставив факты, она лишь тяжело вздохнула.

— Сестра Ань, — нарушил молчание Шэнь Цинъюй. — Чжан Юйсяо позволил себе слишком много. Мы можем как-то на это повлиять?

При упоминании соперника его голос прозвучал непривычно ледяным тоном.

— Разумеется! Мы этого так просто не оставим, — вскипела Су Ань. — Я уже набросала сообщение брату Лю, а как вернёмся в отель — наберу его лично. Теперь мне наконец ясно, откуда в сети поползли эти грязные сплетни, будто А-Цзинь пробился наверх через постель руководства. Готова поспорить, это дело рук пиарщиков Юйсяо! Если агентство не примет меры и не выставит его виноватым, мы расторгнем контракт к чёртовой матери!

Директор Дань, о которой злопыхал Чжан Юйсяо, была одной из основательниц их агентства. Ей уже перевалило за пятьдесят. В молодости госпожа Дань безуспешно пыталась построить карьеру певицы, но вовремя поняла, что её коммерческий талант превосходит вокальный, и переквалифицировалась в агенты, а позже открыла собственную фирму. Совместно с партнёрами она запустила несколько сверхуспешных шоу талантов, и сейчас под её крылом ходили десятки артистов разной величины.

Будучи главой компании, госпожа Дань держалась с подопечными отстранённо, однако для Цзи Цзиня делала исключение. Она выделяла его среди прочих, неоднократно приглашала на закрытые обеды и видела в нём ключевой актив агентства, ради которого даже одобрила создание персональной студии. И дело здесь было не столько в личной симпатии, сколько в трезвом расчёте. Цзинь оставался самым талантливым, самобытным и коммерчески успешным исполнителем лейбла. Какой смысл вкладывать ресурсы в бездарностей, когда под рукой есть готовая звезда?

Но завистливые коллеги по цеху не желали признавать очевидного творческого превосходства

Цзиня. Они предпочитали слепо верить, будто их собственная неостребованность — лишь следствие фаворитизма и несправедливости руководства.

После заверений Су Ань Шэнь Цинъюй немного успокоился.

С тех пор как они покинули гримёрную, Цзи Цзинь шёл словно в прострации, полностью погружённый в себя. Обсуждение насущных проблем его совершенно не трогало.

У дверей гостиничного номера Су Ань остановилась. Беспокойство за брата не отпускало её, однако за последнее время она убедилась: Шэнь Цинъюй справляется с капризами и срывами Цзиня куда лучше, чем она сама. По крайней мере, в минуты буйства охранник ухитрялся его утихомирить, на что сама Су Ань была решительно не способна.

— Пойду наберу брата Лю, попытаюсь утрясти этот кошмар, — вздохнула Су Ань. — Вы пока поговорите спокойно. Я зайду чуть позже.

— Не волнуйтесь, я пригляжу за А-Цзином, — кивнул Шэнь Цинъюй.

Цзи Цзинь стоял рядом, понутив голову и упорно молча.

Едва Су Ань скрылась в коридоре, Цзинь приложил электронную карту к замку и толкнул дверь. Цинъюй бесшумно скользнул следом.

Едва дверь захлопнулась, Цзинь лихорадочно перехватил руку Шэня Цинъюя. Прошло уже больше двадцати минут, но кровь на глубоком порезе так и не остановилась. Сердце Цзиня болезненно сжалось — казалось, эта рваная рана зияет не на чужой ладони, а прямо у него в груди.

— Прости... — выдохнул Цзинь и отвернулся, закрыв лицо ладонью.

Он никогда не страдал боязнью крови, но сейчас один взгляд на багровую рану лишал его сил. Колени предательски задрожали, грозя подогнуться в любую секунду.

Ярость, ещё недавно выжигавшая душу дотла, бесследно испарилась. Он уже не мог вспомнить, что именно довело его до такого иступления. Зачем он сорвался на Цинъюя? Зачем с диким зверством вонзил зубы в его руку? Почему он вечно теряет контроль над собой?

"Он точно сочтёт меня сумасшедшим. Возненавидит и сбежит"

Эта мысль ледяной иглой вонзилась в сознание.

"Конечно сбежит. Любой бы сбежал от такого чудовища"

Опустошающее чувство вины накрыло Цзиня с головой. Резкие перепады эмоций выжали его досуха, оставив лишь звенящую усталость.

Заметив, что парня снова затягивает в опасный омут рефлексии, Шэнь Цинъюй шагнул к нему, но тот испуганно отпрянул.

— Твоя рука... перевяжи её сам, пожалуйста, — пробормотал Цзинь срывающимся голосом. — У меня совсем нет сил. Мне... очень плохо.

Цинъюй понял, что вид сочащейся крови лишь усугубляет состояние артиста. Он быстро промокнул порез салфеткой, скрывая рану, аккуратно усадил Цзиня на край постели и мягко спросил:

— Что болит? Где именно плохо?

Цзинь лишь покачал головой и бессильно откинулся на подушки. Многодневная усталость, копившаяся неделями, разом навалилась на него свинцовой тяжестью. Болело всё и одновременно ничего конкретного — тело превратилось в одну сплошную ноющую рану.

Убедившись, что Цзинь не собирается падать в обморок, Шэнь Цинъюй зашёл в ванную, чтобы промыть порез под струёй холодной воды. Края раны разошлись — укус оказался слишком глубоким, без швов явно не обойтись. К счастью, сухожилия и нервные окончания уцелели, пальцы свободно сжимались в кулак.

Вернувшись в комнату, он присел на край кровати. Цзинь лежал бледный как полотно. Цинъюй приложил ладонь к его лбу — кожа показалась прохладной. Чтобы удостовериться наверняка, он наклонился и прижался своим лбом к его виску. Лихорадки не было.

— Спать хочу... — едва слышно прошептал Цзинь. — Дай мне поспать.

Шэнь Цинъюй молча натянул на него одеяло до самых плеч.

Спустя пару минут дыхание артиста выровнялось, став глубоким и безмятежным. Он мгновенно провалился в глубокий сон.

В кармане завибрировал телефон. Цинъюй достал его и открыл входящее сообщение от Су Ань.

[Сестра Ань: Как там А-Цзинь?]

[Шэнь Цинъюй: Выбился из сил, уже спит.]

[Сестра Ань: А твоя рука?]

[Шэнь Цинъюй: Придётся съездить в больницу, нужно наложить пару швов.]

[Сестра Ань: Боже! Я поеду с тобой. Жду у дверей номера.]

Первым порывом Цинъюя было отказаться, но он вовремя сообразил, что менеджеру просто нужно поговорить с ним наедине.

Выйдя в коридор, он обнаружил встревоженную Су Ань.

— Если мы уйдём вдвоём, а А-Цзинь проснётся и не найдёт никого? — негромко спросил он.

Менеджер на мгновение задумалась.

— Если он сам признался, что вымотался, то проспит без задних ног до самого утра, пушками не разбудишь. Давай черкнём записку. Напишем, чтобы звонил нам на мобильные в случае чего, или сразу набрал мой номер — в моей комнате дежурят ребята из стаффа, они мигом прибегут и помогут.

Шэнь Цинъюй прикинул, что дорога до ближайшего травмпункта и несложная процедура займут от силы час. Он вернулся в спальню, быстро набросал пару строк на листке бумаги, оставил его на видном месте и вместе с Су Ань направился к лифтам.

— Палец... это ведь А-Цзинь сделал? — тихо спросила Су Ань, когда они вышли на улицу.

Цинъюй промолчал, что было красноречивее любых подтверждений.

— Господи, как же мне неловко перед тобой... — сокрушённо вздохнула она.

Шэнь Цинъюй порывался спросить, в курсе ли она душевного недуга своего подопечного, но быстро отбросил эту мысль. Судя по поведению Су Ань, она даже не догадывалась о биполярном аффективном расстройстве кузена. А если самый близкий человек оставался в неведении, значит, Цзинь тщательно скрывал правду. Нарушать его доверие охранник не имел права.

— Прости ещё раз, — снова завела Су Ань. — Я и подумать не могла, что дойдёт до травм. Он сегодня был сам не свой от ярости, вот тормоза и отказали. Но он точно не хотел причинить тебе вред, поверь.

— Я знаю, — ровным тоном отозвался Цинъюй.

Порывистый ночной ветер бросал в лицо пригоршни палой листвы. Девушка плотнее запахла пальто и спрятала зябнущие пальцы в широкие рукава.

— На самом деле А-Цзинь удивительно чистый человек. Он весь без остатка растворяется в творчестве, а в бытовых вопросах и уж тем более в интригах шоу-бизнеса смыслит не больше младенца. Из-за этой наивности он вечно набивает шишки. Он не умеет поддерживать дежурные светские связи, поэтому старые приятели со временем отсеиваются. Зато всякие лицемеры, сладкоречивые подхалимы так и выются вокруг него. А он принимает их фальшивую заботу за чистую монету, не понимая, что им нужно от него лишь одно — слава.

Шэнь Цинъюй молча слушал, вглядываясь в бесконечную ленту ночного шоссе, тонущую в неверном свете фонарей.

— Что Сяо Ицзе, что этот ублюдок Юйсяо — я ведь сто раз предупреждала Цзиня, что они ищут выгоду! — в голосе Су Ань смешались гнев и бессилие. — В нашей индустрии искушение деньгами и славой слишком велико. Разница между безвестным артистом и звездой первой величины исчисляется миллионами юаней. Но А-Цзинь органически не переносит ложь. Он сам никогда не опустится до интриг и свято верит, будто остальные платят ему той же монетой. Его детская доверчивость порой просто... Я не виню его, но в нашем мире выжить с такими взглядами невозможно.

— Вы ведь вместе выросли? — спросил Цинъюй.

— Ну что ты, нет. Я всего лишь его двоюродная сестра, — покачала головой она. — В детстве мы виделись от силы пару раз в год. Но среди родственников он всегда был местной знаменитостью. С малых лет только и слышалось: «А-Цзинь — гений, музыкальный вундеркинд, да ещё и красив как ангел». На любых семейных посиделках, присутствовал он или нет, все разговоры крутились исключительно вокруг него.

"Оно и видно, — мысленно резюмировал парень. — Сестра знает лишь парадный фасад его жизни"

— А с родителями у него как? — спросил он чуть погодя.

Су Ань увидела в тоне парня искреннее участие и желание помочь. За время их недолгого знакомства этот молчаливый боец зарекомендовал себя как человек редкой надёжности.

Помявшись, она вздохнула:

— Да не ладятся у них дела. Понимаешь, А-Цзинь пошёл характером в мою тётю, свою мать. Он унаследовал от неё не только блестящий интеллект и музыкальный дар, но и взрывной

темперамент. А когда сталкиваются два одинаково упёртых и эмоциональных человека, они неизбежно начинают ранить друг друга. Закон физики — одноимённые заряды отталкиваются.

За мягкими формулировками скрывалась безрадостная правда: сосуществование двух эгоцентричных творческих натур превращало семейный очаг в поле непрекращающихся боевых действий.

— А дядя, отец А-Цзиня, — крупный учёный, университетский профессор. Ни за что не угадаешь его специализацию, — Су Ань горько усмехнулась. — Историк буддизма. Похоже, от постоянного погружения в священные тексты он и сам обрёл нирвану — вечно витает в облаках, шлёт всем в мессенджерах сутры и напрочь игнорирует реальность. Семейный быт его вообще не интересует. Вот и вышло, что А-Цзинь рос сам по себе, не зная родительского тепла.

Шэнь Циньюй промолчал. Описанная картина казалась ему дикой и нелепой.

Больница оказалась в паре кварталов от гостиницы. В травматологическом отделении посреди ночи было пусто. Шэнь Циньюй послушно сидел на кушетке, пока дежурный врач накладывал аккуратные швы, а Су Ань тем временем решительно оплатила все счета в регистратуре. Вся процедура заняла от силы минут пятнадцать.

Обратный путь до отеля они проделали в молчании — сказывалась накопившаяся за день усталость.

— Раз А-Цзинь отдыхает, я не стану к вам ломиться, — негромко проговорила Су Ань в холле. — По плану завтра подъём в семь утра, но я постараюсь договориться с фотографами и сдвинуть съёмку хотя бы на пару часов. Пусть парень поспит подольше.

Циньюй согласно кивнул.

— И ещё... спасибо тебе за всё, что ты сегодня сделал. Иди отдыхай.

— Не за что, — пробормотал он, чувствуя себя крайне неловко от её бесконечных излияний. Он не совершил ничего экстраординарного — просто выполнил свою работу.

Су Ань вышла на своём этаже, а Циньюй поднялся выше. Приложив пластиковый ключ к замку своего номера, он тихо вошёл внутрь. В комнате царил полумрак. Однако взгляд охранника тут же зацепился за смятую постель — одеяло было отброшено в сторону, но самого Цзиня на кровати не оказалось.

Шэнь Циньюй замер, а в следующую секунду уже мчался к ванной комнате.

— А-Цзинь! Ты там?

Ответом ему была звенящая пустота.

Обыскав каждый угол номера и осознав, что певец исчез, Цинъюй пулей вылетел в коридор.

Спустя пять минут у стойки администратора собралась встревоженная группа: Су Ань, Шэнь Цинъюй и пара дежурных сотрудников агентства.

— Скажите, вы не видели, выходил ли сейчас из отеля Цзи Цзинь? — бледная как мел Су Ань едва сдерживала дрожь в голосе.

Девушка за стойкой виновато развела руками:

— Простите, у нас сейчас гостит много знаменитостей. Постоянно кто-то уходит и возвращается, мы просто не обратили внимания.

Су Ань была на грани паники. Но статус подопечного обязывал держать лицо перед посторонними — любая утечка информации могла обернуться грандиозным скандалом. Она отошла в сторону и в очередной раз набрала номер брата.

Автоответчик монотонно повторил заученную фразу: аппарат абонента выключен.

В голове менеджера теснились самые мрачные сценарии. Больше всего она боялась, что Цзинь проснулся, вновь накрутил себя и отправился сводить счёты с Чжаном Юйсяо. Без охраны, один против чужой свиты... Любой исход — будь то пьяная драка, взаимные оскорбления или если Цзиня банально изобьют превосходящие силы противника — грозил неминуемым крахом карьеры.

— Так, слушайте меня, — зашептала она, лихорадочно раздавая указания. — Я еду к гримёркам Юйсяо, проверю, не там ли он. Вы двое обыщите окрестные переулки. Возможно, ему просто нужно было подышать воздухом, и он бродит где-то неподалёку.

Шэнь Цинъюй на секунду задумался, а затем покачал головой:

— Думаю, он поехал домой.

Су Ань недоуменно уставилась на него:

— С чего бы вдруг? У него даже машины с собой нет. Зачем ему тащиться туда посреди ночи?

Съёмки проходили в Шанхае, но загородный дом Цзиня находился на противоположном конце мегаполиса. Дорога туда на машине заняла бы не меньше часа. Когда съёмочный день

завершился за полночь, они решили заночевать в забронированном организаторами отеле исключительно ради экономии времени и сил.

Но Шэнь Цинъюй помнил затравленный взгляд артиста перед сном. В таком состоянии люди не ищут драк. Они ищут убежище. Место, где можно забиться в тёмный угол и зализать раны.

"Он сбежал туда, где чувствует себя в безопасности"

— Я всё-таки проверю его особняк, — упрямо повторил он.

— Ну ладно... — Су Ань хоть и сомневалась в успехе этой затеи, спорить не стала. Лишних рук у неё хватало, а интуиция телохранителя до сих пор их не подводила. — Поступай как знаешь. Но учти — дорога туда и обратно займёт прорву времени. Держи телефон наготове. Если мы перехватим его раньше, я сразу наберу, и ты повернёшь назад.

— Договорились.

Выскочив на улицу, Шэнь Цинъюй взмахом руки остановил свободное такси и, назвав водителю адрес дома Цзи Цзиня, скользнул на заднее сиденье.

<http://bllate.org/book/18263/1748558>